

*Посвящается Дженкинсу, без которого...
остальное он знает сам*

...Для меня подмости — кровь и мщенье, фабула — смерть; меч, обогранный кровью, — это беглое перо, а поэт — грозная, трагическая фигура на котурнах, в венке, только не из листьев лавра, но из горящего запального фитиля.

*Томас Деккер.
Благородный испанский воин*

1

Вопрос:
Твой хлеб насущный?

Ответ:
Ночь без сна.

*Томас Деккер.
Благородный испанский воин*

— Чтоб ему провалиться, Страйк, — отозвался хриплый голос в трубке, — этому титулованному кренделю.

Крупный небритый человек, тяжело шагавший сквозь предрассветную мглу поздней осени, усмехнулся, прижимая к уху мобильный:

— Похоже, ждать осталось недолго.

— Черт возьми, сейчас шесть утра!

— Полседьмого, но, если тебе нужно то, что у меня есть, выходи, — сказал Корморан Страйк. — Я недалеко от твоего дома. Тут рядом...

— Откуда ты знаешь, где я живу? — насторожился голос.

— Ты же сам рассказывал, — Страйк подавил зевок, — что продаешь квартиру.

— Ну-ну, — успокоился его собеседник. — Хорошая память.

— Тут рядом круглосуточное...

— До пошло оно куда подальше. Приезжай в нормальное время ко мне в редакцию...

— Калпеппер, в нормальное время у меня встреча с другим клиентом, который платит получше тебя, да тому же я всю ночь был на ногах. Если собираешься воспользоваться тем, что я раскопал, — поспеши...

Стон. До Страйка донеслось шуршание постели.

— Если это какое-нибудь фуфло, я за себя не отвечаю.

— ...кафе «Смитфилд» на Лонг-лейн, — закончил Страйк и отсоединился.

Легкая неровность его походки стала особенно заметной, когда он зашагал под горку к темной монолитной глыбе Смитфилдского рынка — необъятному прямоугольному храму мяса, откуда по будням, с четырех часов утра, отгружалась, как и много веков назад, плоть забитых животных, разрубленная и разделанная для поставки в мясные магазины и рестораны Лондона. Сквозь темноту Страйк слышал громогласные команды, отдаваемые невидимыми распорядителями, а также рев и сигналы грузовиков, доставляющих туши на разгрузку. Свернув на Лонг-лейн, он слился с толпой закутанных в теплые шарфы мужчин, целенаправленно шагающих навстречу обыденному рабочему понедельнику.

На углу рынка, под сторожевым каменным грифоном, сгрудились фосфоресцирующие жилеты: это курьеры, не снимая перчаток, остановились согреться обжигающим кофе. Через дорогу светилось в темноте, как открытый камин, круглосуточное кафе «Смитфилд» — забегаловка размером с чулан, где круглые сутки можно было укрыться от непогоды и утолить голод жирными закусками.

При кафе даже не было уборной, поэтому владельцы договорились с букмекерской конторой фирмы «Лэдбрукс». Но букмекеры открывались только через три часа, так что Страйку пришлось свернуть в какой-то переулок и там в темной подворотне облегчиться после дрянного кофе, выпитого в ходе ночной экспедиции. Усталый и голодный, но счастливый, каким может быть только тот, кто терпел буквально до последнего, он наконец-то втянул запах разогретого жира и яичницы с беконом. Один из столиков только что освободили двое мужчин в водонепроницаемых спецовках

поверх флисовых курток. Страйк неуклюже протиснулся к жесткому стулу из дерева и металла и, довольно отдуваясь, сел за стол. Хозяин-итальянец тут же поставил перед ним высокую белую кружку чая и треугольные ломтики теплых тостов с маслом. Не прошло и пяти минут, как Страйку принесли полный английский завтрак на большой овальной тарелке. Среди здоровенных грузчиков, которые беспрестанно вваливались в забегаловку и вскоре уходили, Страйк почти не выделялся. Рослый, смуглый, с жесткими, густыми курчавыми волосами, слегка отступившими над высоким, крутым лбом, он опустил широкий боксерский нос и нахмурил густые брови. На подбородке чернела щетина; под карими глазами пролегли тени, больше похожие на синяки. За едой он сонно смотрел в окно, на здание рынка. Светало; ближайший сводчатый въезд под номером два мало-помалу приобретал четкие очертания; суровое каменное лицо бородатого старца, украшавшее арочный проем, отвечало Страйку пристальным взглядом. Не поклонялись ли древние богу мясных туш?

В тот момент, когда Страйк принялся за сосиски, появился Доминик Калпеппер. Журналист был почти такого же роста, как Страйк, но сохранил цвет лица мальчонки-хориста. Его можно было бы назвать по-девичьи смазливым, если бы не странно асимметричные черты, будто насильно повернутые чьей-то рукой против часовой стрелки.

— Ну, если это — фигня, берегись. — Калпеппер опустил на стул и, сняв перчатки, с подозрением огляделся.

— Есть будешь? — с набитым ртом спросил Страйк.

— Нет, — отрезал Калпеппер.

— Утром предпочитаешь круассанчик? — ухмыльнулся Страйк.

— Не нарывайся, Страйк.

Парень заводился с полоборота. На нем лежал неистребимый отпечаток дорогой частной школы. С вы-

зывающим видом он заказал себе чай, обратившись к равнодушному официанту «братан», чем немало повеселил Страйка.

— Ну? — потребовал Калпеппер, сжимая горячую кружку длинными бледными пальцами.

Вытащив из кармана пальто конверт, Страйк бросил его через стол. Калпеппер вытащил содержимое и начал читать.

— Твою ж мать, — пробормотал он некоторое время спустя и лихорадочно перебрал листки бумаги, частично исписанные почерком Страйка. — Откуда ты это взял?

Уминая сосиски, Страйк ткнул пальцем в какой-то адрес, нацарапанный на одном из листков.

— От личной секретарши этого деятеля — у нее на босса зуб, — выговорил он, проглотив наконец еду. — Он крутил шашни и с ней, и с двумя другими, уже тебе известными. До бедняжки только теперь дошло, что ей не светит заделаться очередной леди Паркер.

— Но как ты это раскопал, черт тебя дери? — спросил Калпеппер, в упор глядя на Страйка поверх дрожащих в руке листков.

— Произвел оперативные действия, — промычал Страйк, опять набив рот. — Разве ваша братия не делала то же самое, пока не доперла, что нужно пользоваться услугами таких, как я? Но учти, Калпеппер, женщине придется подыскивать новую работу, поэтому она не хочет, чтобы газеты полоскали ее имя, это понятно?

Калпеппер фыркнул:

— Раньше надо было думать, а то сперла...

Ловким движением Страйк выхватил у него записи.

— Ничего она не сперла. Вчера, под конец рабочего дня, он сам велел ей это распечатать. Единственный ее грех в том, что она показала это мне. Но если ты, Калпеппер, собираешься вывернуть наизнанку ее личную жизнь, то это без меня.

— Дай сюда. — Калпеппер попытался вырвать улики из волосатой руки Страйка. — Ладно, умолчим об этой дамочке. Но он все равно догадается, откуда у нас эти сведения. Он же не полный идиот.

— И что он сделает — потащит ее в суд, где она прилюдно выложит все, чего насмотрелась за эти пять лет?

— Ну что ж, — вздохнул Калпеппер после недолгого размышления, — отдай. Я не буду разглашать ее имя, но мне ведь придется с ней побеседовать, ты согласен? Проверить — может, она врет.

— Документы не врут. А беседовать с ней тебе ни к чему, — твердо сказал Страйк.

Дрожащую, обезумевшую, бессовестно обманутую женщину, от которой он только вышел, нельзя было знакомить с Калпеппером. В своем неудержимом желании поквитаться с человеком, который обещал ей детей и брачные узы, она могла нанести непоправимый вред себе самой и своему будущему. Страйку не составило труда завоевать ее доверие. Ей было почти сорок два года; она мечтала родить детей лорду Паркеру; теперь ею владела только жажда кровавой мести. Страйк провел у нее не один час: женщина в слезах раскачивалась вперед-назад на диване, загораживая лицо кулаками, потом металась по гостиной и неумолчно изливала душу. В конце концов она согласилась на это предательство, которое похоронит все ее надежды.

— Значит, ее имя в газете фигурировать не будет, — повторил Страйк, сжимая бумаги в кулаке размером вдвое больше, чем у Калпеппера. — Усек? Этот материал и без нее станет бомбой.

Помедлив и скривившись, Калпеппер сдался:

— Ладно, как скажешь. Давай сюда.

Журналист сунул документы во внутренний карман, залпом допил чай, и недолгая досада на Страйка, похоже, отступила перед радужной перспективой стереть в порошок члена палаты лордов.

— Лорд Паркер-Пенниуэлл, — радостно прошептал он, — вы увязли по самые помидоры, сэр.

— Надеюсь, твой редактор возьмет это на себя? — Страйк указал на положенный между ними счет.

— Да, конечно...

Калпеппер бросил на стол купюру в десять фунтов, и мужчины вместе вышли из кафе. Страйк тут же закурил.

— Как ты ее разговорил? — любопытствовал Калпеппер, когда они шагали по морозу, мимо мотоциклов и грузовиков, по-прежнему сновавших у мясного рынка.

— Я ее выслушал, — ответил Страйк.

Калпеппер недоверчиво покосился в его сторону:

— Все другие частные сыщики, которые на меня работают, прослушивают телефоны.

— Это незаконно, — сказал Страйк, выпуская дым в светлеющий воздух.

— Но каким образом...

— Ты же не разглашаешь свои методы, позволь и мне не разглашать свои.

Какое-то время оба молчали; хромота Страйка делалась заметнее с каждым его шагом.

— Это будет бомба. Бомба, — радостно заговорил Калпеппер. — Лицемерный старпер что-то бляел насчет алчности корпораций, а сам двадцать лимонов заныкал на Кайманах...

— Рад служить, — перебил его Страйк. — Счет пришлю мейлом.

Калпеппер в очередной раз бросил на него подозрительный взгляд:

— Читал на той неделе про сына Тома Джонса?

— Тома Джонса?

— Ну да, певца, из Уэльса, — уточнил Калпеппер.

— А, этого, — равнодушно бросил Страйк. — У нас в полку тоже был Том Джонс.

— Так ты читал?..

— Нет.

— Шикарное интервью. Парень говорит, что никогда в жизни не встречался со своим папашей и вообще не имел с ним никаких контактов. Думаю, он срубил поболее, чем ты.

— Это мы еще посмотрим, когда ты получишь мой счет, — заметил Страйк.

— Да я так, к слову. Одно маленькое интервью — и сможешь на какое-то время забыть о слезке за секретаршами.

— Тема закрыта, — отрезал Страйк, — или больше на меня не рассчитывай, Калпеппер.

— Понятно, — сказал Калпеппер, — твою биографию я так или иначе смогу тиснуть. Отвергнутый сын рок-идола, герой войны, никогда в жизни не встречался с отцом, занимается частным...

— Насколько я знаю, подстрекательство к прослушке телефонов тоже незаконно.

В конце Лонг-лейн они замедлили шаг и повернулись лицом друг к другу. Смешок Калпеппера получился натянутым.

— Короче, присылай счет, буду ждать.

— Заметано.

Они разошлись в противоположные стороны; Страйк направился к метро.

— Страйк! — раздался у него за спиной голос Калпеппера. — Ты с ней переспал, что ли?

— Проверю, что ты напишешь, Калпеппер! — устало прокричал в ответ Страйк, не повернув головы.

Прихрамывая, он вошел под козырек станции метро, и Калпеппер потерял его из виду.

2

Но долго ль нам сражаться? Мне недосуг,
Да и желанья нету медлить! Дела не ждут.

*Фрэнсис Бомонт, Филип Мессинджер.
Маленький французский адвокат*

В вагоне подземки уже прибывало пассажиров. Утренние лица после выходных: отечные, изможденные, напряженные, замкнутые. Страйк нашел место напротив блондинки с припухшими глазами: она то и дело заваливалась набок, погружаясь в дремоту, но быстро выпрямлялась и начинала тревожно вглядываться в окно — боялась, что проехала свою остановку.

Поезд с лязгом и грохотом мчал Страйка вперед, к жалкому пристанищу в две с половиной комнатенки под дырявой кровлей. Усталое сознание, взятое в кольцо этих пустых, овечьих физиономий, пыталось разгадать, какие стечения обстоятельств привели к их появлению на свет. Ведь рождение, если вдуматься, — это всегда дело случая. Если сперматозоиды сотнями миллионов слепо плывут в потемках, можно только поражаться, каким образом человек становится сам собой. Сколько народу в этом вагоне появилось на свет запланированно, размышлял он, слабея от недосыпа, а сколько — подобно ему — по чистой случайности? В начальной школе с ним вместе училась девочка с багровым пятном во все лицо; Страйк всегда ощущал, что между ними есть тайное сходство: оба с рождения поневоле несли на себе неистребимое клеймо. Сами они его не замечали, но все остальные видели и не упускали

случая о нем напомнить. Время от времени на Страйка обращали внимание совершенно посторонние люди; до пяти лет он объяснял это своей исключительностью, но впоследствии понял, что незнакомцы видели в нем не более чем зиготу известного певца, нечаянное свидетельство грешков знаменитости. Страйк встречался с родным отцом дважды. Джонни Рокби признал свое отцовство только после анализа ДНК.

Доминик Калпеппер стал ходячим воплощением бесцеремонного любопытства, с которым, правда, в последние годы Страйк сталкивался довольно редко: теперь мало кто связывал угрюмого отставника со стареющим рок-идолом. Когда на его пути все же встречались подобные любопытствующие субъекты, их мысли начинали метаться от доверительных фондов к жирным подачкам, от частных самолетов и VIP-салонов к неиссякаемой щедрости мультимиллионера. Видя, что Страйк работает на износ, но при этом живет весьма скромно, они задавались вопросом: чем же он вызвал отцовскую неприязнь? Или он только прикидывается бессребреником, чтобы тянуть деньги из Рокби? И куда подевались те миллионы, которые его мать, вне сомнения, отсудила у богатого любовника? В такие моменты Страйк ностальгически вспоминал армию, анонимность службы, когда твое прошлое, твое происхождение фактически ничего не значат, коль скоро ты способен делать свое дело. На собеседовании в Отделе специальных расследований самый личный вопрос свелся к тому, чтобы повторить два диковинных имени, которыми его наградила не в меру экстравагантная мать.

Когда Страйк вышел из метро, по Черинг-Кроссруд уже неслись потоки транспорта. Занимался ноябрьский рассвет, серый и робкий, еще не избавившийся от запоздалых сумерек. Превозмогая усталость и боль, Страйк повернул на Денмарк-стрит и прикинул, что еще успеет немного вздремнуть до прихода первого клиента, назначенного на девять тридцать. Помахав

продавщице гитарного магазина, с которой они частенько выходили на улицу покурить, Страйк толкнул черную входную дверь рядом с баром «12 тактов» и начал взбираться по металлической лестнице, огибавшей сломанную клеть лифта. Мимо графического дизайнера, занимающего второй этаж, мимо собственного офиса за гравированной стеклянной дверью третьего этажа — и на верхотуру, где была самая тесная площадка, за которой располагалось его нынешнее жилище. Предыдущий квартиросъемщик, управляющий нижним баром, перебрался в более комфортные условия, и Страйк, который несколько месяцев ночевал у себя в конторе, не упустил шанса снять жилье этажом выше, радуясь такому простому решению наболевшего квартирного вопроса. В мансарде было не повернуться, особенно человеку ростом под два метра. Он едва втискивался в душ; кухня оказалась совмещена с гостиной, а в спальню поместилась только двуспальная кровать. Кое-какие вещи пришлось оставить в коробках на лестничной площадке, невзирая на угрозы домовладельца. Маленькие оконца смотрели на городские крыши; внизу проходила Денмарк-стрит. Постоянное уханье басов из бара приглушалось высотой, а когда Страйк включал свою музыку, становилось и вовсе неслышным.

Во всем проявлялась его врожденная аккуратность: кровать всегда была застлана, посуда вымыта, вещи лежали на своих местах. Сейчас ему требовалось побриться и принять душ, но это могло подождать; повесив пальто, Страйк поставил будильник на девять двадцать и, как был в одежде, рухнул на кровать.

Заснул он через пару секунд, но почти сразу — или это только показалось — проснулся от стука:

— Прошу прощения, Корморан, извини, пожалуйста... ста...

Он открыл дверь: на него виновато смотрела его помощница, высокая девушка с длинными золотисторыжими волосами; при виде Страйка она содрогнулась.

— Свалился замертво. Ночь не спал... две ночи.

— Извини, пожалуйста, — повторила Робин, — но сейчас без двадцати десять, Уильям Бейкер ждет и уже проявляет...

— Зараза, — пробормотал Страйк. — Будильник, наверное, не завел... дай мне пять минут...

— Это еще не все, — сказала Робин. — Пришла какая-то женщина. Без предварительной договоренности. Я сказала, что у тебя весь день расписан по минутам, но она не уходит.

Страйк зевнул и протер глаза.

— Пять минут. Предложи им чаю, что ли.

Через шесть минут Страйк, небритый, но в свежей рубашке, благоухающий дезодорантом и зубной пастой, вошел в приемную, где Робин сидела за компьютером.

— Лучше поздно, чем никогда, — выговорил Уильям Бейкер с натянутой улыбкой. — Хорошо еще, что у вас работает такая милашка, а иначе я бы заскучал и ушел.

Страйк заметил, что Робин вспыхнула от досады и отвернулась, якобы разбирая почту. Слово «милашка» в устах Бейкера прозвучало особенно гадко. Директор фирмы — костюм в тонкую полоску сидел на нем безупречно — поручил Страйку собрать досье на двух членов правления.

— Доброе утро, Уильям, — сказал Страйк.

— А извиниться? — процедил Бейкер, уставившись в потолок.

— Здравствуйте, с кем имею честь? — Пропустив его упрек мимо ушей, Страйк обратился к примостившейся на диване худенькой женщине средних лет, не снимавшей затрапезного коричневого пальто.

— Леонора Куайн, — представилась она; тренированный слух Страйка уловил акцент западных графств.

— У меня сегодня утром масса дел, Страйк, — не выдержал Бейкер и без приглашения направился в кабинет.

Когда Страйк не бросился следом, светские манеры клиента дали трещину.

— Думаю, в армии вы не позволяли себе таких беспардонных опозданий, мистер Страйк. Извольте пройти сюда.

Страйк будто не расслышал.

— Что вас ко мне привело, миссис Куайн? — спросил он женщину в потертом пальто, сидевшую на диване.

— Понимаете, это насчет мужа моего...

— Мистер Страйк, у меня через час важная встреча, — повысил голос Уильям Бейкер.

— ...ваша помощница говорит, у вас время расписано, но я могу и обождать.

— Страйк! — рявкнул Уильям Бейкер, как будто дал собаке команду «к ноге».

— Робин, — прохрипел обессилевший Страйк, решив положить этому конец, — выпиши мистеру Бейкеру счет и отдай ему досье; в нем самые последние сведения.

— Что?! — вскричал Уильям Бейкер, вновь появляясь в приемной.

— Он вам отказывает, — с удовлетворением пояснила Леонора Куайн.

— Но вы не закончили работу, — обратился Бейкер к Страйку. — Вы же сами говорили, что будут еще...

— Работу закончит для вас кто-нибудь другой. Кто не брезгует мараться со всякими слизняками.

Атмосфера в приемной накалилась до предела. Робин с каменным лицом сняла со стеллажа заказанное Бейкером досье и передала его Страйку.

— Да как вы...

— С этой папкой можно смело идти в суд, — сказал Страйк, — протягивая материалы директору. — Она стоит своих денег.

— Но вы не закончили...

— С вами он закончил, — вклинилась Леонора Куайн.

— Закрой рот, старая ду..

Прервавшись на полуслове, Уильям Бейкер попятился оттого, что Страйк сделал полшага вперед. Никто не произнес ни слова. Всем вдруг показалось, что отставной офицер почему-то занял собой вдвое больше места, чем прежде.

— Прошу вас в кабинет, присаживайтесь, миссис Куайн, — спокойно пригласил Страйк.

Женщина послушалась.

— Неужели вы думаете, что она сможет вам заплатить? — ухмыльнулся Уильям Бейкер, взявшись за дверную ручку.

— Расценки у меня гибкие, — сказал Страйк, — был бы человек приличный. — Он последовал за Леонорой Куайн в кабинет и захлопнул дверь.

3

...Наедине с лавиной этих бед...

Томас Деккер.

Благородный испанский воин

— Вот дубина-то, а? — заметила Леонора Куайн, сидя в кресле лицом к Страйку.

— Да уж, — согласился он, тяжело опускаясь на свое обычное место. — Что есть, то есть.

Невзирая на свежую, почти без морщин, бело-розовую кожу лица и чистые белки голубых глаз, посетительница выглядела на пятьдесят с небольшим. Тонкие жидковатые волосы были прихвачены двумя пластмассовыми гребнями; глаза щурились за стеклами больших старомодных очков в пластмассовой оправе. Пальто с ватными плечами и крупными пластмассовыми пуговицами, хотя и не засаленное, явно было приобретено еще в восьмидесятые годы.

— Значит, вы пришли по поводу мужа, миссис Куайн?

— Ну да, — подтвердила Леонора. — Пропал он.

— Как давно он пропал? — Страйк машинально потянулся за блокнотом.

— Уж десять дней прошло, — ответила Леонора.

— Вы в полицию заявили?

— Да что с нее толку, с полиции, — раздраженно бросила посетительница, как будто устала объяснять это знакомым. — Было дело, обращалась, так меня только обругали, потому как он тогда кое с кем загулял.

За Оуэном такое водится. Он у меня писатель, — добавила она, как будто этим все и объяснялось.

— Ему и раньше случалось пропадать?

— У него эмоции — через край, — хмуро сказала Леонора Куайн. — В любой момент может куда-нибудь умчаться, но тут десять дней прошло, он сейчас в расстроенных чувствах, а мне нужно его срочно домой вернуть. Во-первых, Орландо ждет, во-вторых, у меня дел по горло, а в-третьих...

— Орландо? — переспросил Страйк: его усталые мозги подсказывали только курорт во Флориде. Лететь в Америку ему было совсем не с руки, да к тому же Леонора Куайн, в своем поношенном пальтишке, вряд ли смогла бы оплатить ему перелет.

— Дочка наша, Орландо, — пояснила Леонора. — Она присмотра требует. Пока я тут с вами беседую, с ней соседка сидит.

После короткого стука дверь приоткрылась; в кабинет просунулась златовласая голова Робин.

— Кофе, мистер Страйк? А для вас, миссис Куайн? Получив заказы, Робин исчезла.

— Вам это пара пустяков, — сказала Леонора. — Сдается мне, я знаю, где его искать, только адреса найти не могу, а на звонки никто не отвечает. Уж десять дней как, — повторила она, — а нам он дома нужен.

Страйку виделась непозволительная роскошь в том, что эта женщина, в ее-то обстоятельствах, решила нанять частного сыщика, тем более что весь облик посетительницы дышал бедностью.

— Если речь идет лишь о том, чтобы дозвониться по известному вам номеру, — мягко заметил он, — нельзя ли попросить вашу подругу или...

— Эдну, — ответила она, и Страйк непомерно расстрогался (усталость подчас делала его излишне чувствительным) от ее молчаливого признания, что подруга у нее всего одна. — Оуэн им запретил говорить, где

находится. Мне для этого дела, — попросту заключила она, — мужчина требуется. Чтоб развязал им языки.

— Это ваш муж — Оуэн?

— Он самый, — ответила женщина. — Оуэн Куайн. «Прегрешение Хобарта» — это он написал.

Ни имя писателя, ни заглавие его произведения не говорили Страйку ровным счетом ничего.

— То есть вам известно, где он находится?

— Конечно. Ходили мы с ним на банкет, там издатели были и всякая такая публика... он сперва не хотел меня брать, а я ему: «Зря, что ли, я няню вызвала? Мне тоже пойти охота»... так вот, я сама слыхала, как Кристиан Фишер нашептывал Оуэну про то место — писательский дом отдыха. Потом спрашиваю у мужа: «Что это за местечко он тебе расписывал?» — а Оуэн мне: «Так я и сказал, жди! На то он и дом отдыха — от жены, от детей».

Она почти приглашала Страйка потешиться с ней вместе над ее мужем, подобно тому как матери порой изображают, будто гордятся дерзостью своих отпрысков.

— Кто такой Кристиан Фишер? — спросил Страйк, заставляя себя сосредоточиться.

— Издатель. Молодой парень, но так поднялся, куда там.

— Вы звонили Фишеру, чтобы узнать адрес этого дома отдыха?

— А как же, целую неделю названиваю и слышу одно: ваше сообщение записано, вам перезвонят, — а телефон молчит. Я думаю, это Оуэн запретил им говорить, где схоронился. Но вы-то из Фишера вытянете адресок. Я о вас много хорошего слыхала, — добавила она. — Это ведь вы раскрутили убийство Лулы Лэндри, когда полиция оплошала.

Каких-то восемь месяцев назад у Страйка был один-единственный клиент, бизнес находился на грани краха, виды на будущее не обнадеживали. Но на

процессе с участием представителей Королевского прокурорского надзора он сумел доказать, что юная знаменитость не покончила с собой, а была сброшена с балкона четвертого этажа. Известность пришла мгновенно: бизнес тут же пошел в гору, а Страйк сделался самым знаменитым частным сыщиком во всей столице. Джонни Рокби теперь оказался всего лишь примечанием к этой истории; Страйк создал себе имя, которое, впрочем, многие умудрялись исковеркать...

— Я вас перебил, — сказал он, изо всех сил стараясь не потерять мысль.

— Разве?

— Конечно, — подтвердил Страйк, с прищуром глядя на закорючки в блокноте. — Вы сказали: «Во-первых, Орландо ждет, во-вторых, у меня дел по горло, а в-третьих...»

— Ах да, — вспомнила женщина, — после его отъезда обнаружилась какая-то дикость.

— Какая именно дикость?

— Дерьмо, — буднично сообщила Леонора Куайн, — в щели для почты.

— Кто-то протолкнул в дверную прорезь экскременты? — не понял Страйк.

— Вот именно.

— После того, как пропал ваш муж?

— Ага. Дерьмо собачье, — уточнила Леонора, и Страйку на миг почудилось, будто она так припечатала собственного мужа. — Причем не однажды, а раза три-четыре, по ночам. Вот мне радости-то было с утра пораньше. Да еще бабенка незнакомая в дверь стучалась.

Она умолкла, ожидая дальнейших расспросов. Похоже, ей было приятно, что из нее вытягивают информацию. Страйк давно подметил, что люди одинокие бывают только рады завладеть чьим-нибудь безраздельным вниманием и всячески стараются продлить это редкое удовольствие.

— Когда же к вам в дверь стучалась незнакомая женщина?

— На той неделе. Пришла — и Оуэна спрашивает; я ей: мол, нету его, а она такая: «Передайте ему, что Анджела умерла» — и увялась.

— Эта женщина точно была вам незнакома?

— Никогда в жизни ее не видала.

— А особа по имени Анджела вам знакома?

— Нет. Но вокруг него, бывает, поклонницы вьются. — Леонору вдруг понесло. — Одна, к примеру, повадилась ему в письмах фотки свои присылать, на которых одета точь-в-точь как его героиня. Те, кто ему письма пишут, начитались его книжек и возомнили, будто он их понимает. Вот дурехи-то, а? Это же все выдумки.

— Поклонницы, как правило, знают домашний адрес вашего мужа?

— Нет, откуда? — удивилась Леонора. — Может, это студентка была или еще кто. Он изредка лекциями подрабатывает.

В кабинет вошла Робин с подносом. Поставив кофе перед Страйком и чай — перед Леонорой Куайн, она тут же удалилась и плотно затворила за собой дверь.

— Больше никаких странностей не происходило? — спросил Страйк. — Просунутые в щель экскременты, визит этой женщины?

— Еще за мной, кажись, следили. Дылда какая-то, чернявая, сутулая, — продолжила Леонора.

— Но это была не та же самая женщина, которая...

— Да нет, которая в дверь ломилась — та кубышка. Волосы длинные, рыжие. А эта — чернявая и как бы горбится.

— Вы уверены, что она за вами следила?

— Вроде да. Я ее раза два-три засекала. Она не местная, у нас в Лэдброк-Гроув таких нету, сама-то я тридцать лет там живу.

— Ясно, — протянул Страйк. — Вы, кажется, упомянули, что ваш муж был в расстроенных чувствах? Что же его огорчило?

— С агентом повздорил.

— На какой предмет, не знаете?

— На предмет книжки своей, самой последней. Лиз — агент его — поначалу говорила, что это шедевр, а потом, буквально через день, приглашает его поужинать и заявляет, что печатать такое нельзя.

— Почему она так резко изменила свое мнение?

— Это вы у нее спросите. — Леонора впервые разозлилась. — Понятное дело, он потом на стенку лез. И немудрено. Два года над этой книгой корпел. Пришел он домой — и напрямик к себе в кабинет, схватил все в охапку...

— Что конкретно он схватил?

— Да книгу свою, то бишь рукопись, черновики, все, что было; бранился на чем свет стоит, запихнул бумаги в сумку — и поминай как звали. Больше я его не видела.

— У него есть мобильный телефон? Вы не пытались ему позвонить?

— Пыталась, да он трубку не берет. Он вообще не отвечает, когда вот так с места срывается. А однажды мобильник свой из окна машины выкинул, — сообщила Леонора, опять с нотками гордости за вспыльчивость мужа.

— Миссис Куайн, — начал Страйк, чья любовь к ближнему (что бы он ни говорил Уильяму Бейкеру) имела свои границы, — буду с вами откровенен: мои услуги стоят недешево.

— Понятное дело, — невозмутимо сказала Леонора. — Лиз вам заплатит.

— Лиз?

— Лиз... Элизабет Тассел. Агент Оуэна. Это по ее милости он сбежал. Пусть из своих комиссионных

возьмет. Мой муж для нее — золотое дно. Она всяко захочет его вернуть, когда поймет, что натворила.

Страйк не разделял такой уверенности. Он бросил в чашку три куска сахара и залпом выпил кофе, пытаясь прикинуть, как подступиться к этому делу. Леонора Куайн вызывала у него безотчетную жалость: она, похоже, привыкла терпеть истерики мужа, смирилась с тем, что у нее молчит телефон, и полагала, что за любую помощь нужно платить. Если отвлечься от некоторой эксцентричности ее манер, в ней сквозила воинствующая честность. И все же, с тех пор как дела Страйка пошли в гору, он беспощадно отсекал невыгодные контракты. Те немногие просители, которые поверяли ему душещипательные истории, рассчитывая, что собственный тяжкий опыт Страйка (описанный и раздутый газетами) заставит его поработать на них бесплатно, уходили ни с чем. Но Леонора Куайн (она уже расправилась со своим чаем не менее лихо, чем Страйк — с кофе) встала с таким видом, будто все условия и расценки уже полностью согласованы.

— Пойду я, — сказала она. — Не хочу Орландо надолго оставлять. Девочка и так без папы тоскует. Я ей пообещала, что найму человека, который его отыщет.

За последние месяцы Страйк не раз помогал состоятельным молодым женщинам собирать компромат на банкиров-мужей, утративших былую привлекательность после финансового кризиса в Сити. Теперь его грела мысль о том, чтобы сделать для разнообразия нечто противоположное: вернуть жене мужа.

— Ну хорошо, — сказал он и, зевнув, придвинул к ней блокнот. — Мне понадобятся ваши контактные данные, миссис Куайн. И фото вашего мужа тоже не помешает.

Округлым, детским почерком Леонора внесла в блокнот свой адрес и номер телефона, но просьба о фотографии, по всей видимости, ее удивила.

Гэлбрейт Р.

Г 98 Шелкопряд : роман / Роберт Гэлбрейт ; пер. с англ. Е. Петровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 576 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-10350-4

После исчезновения писателя Оуэна Куайна его жена обращается к частному сыщику Корморану Страйку. Полагая, что муж просто скрывается от родных, как случилось уже не раз, Леонора Куайн поручает Страйку найти беглеца и вернуть в лоно семьи. Но в ходе расследования Страйк понимает, что дело обстоит куда серьезнее, чем кажется Леоноре. Оуэн Куайн забрал с собой рукопись нового романа, где выставил в неприглядном свете едва ли не всех своих знакомых, включая весьма известных и влиятельных лиц. Писатель ломает их судьбы, если не откажется от публикации. Неудивительно, что многие хотели бы заставить его умолкнуть.

Вскоре Страйк выясняет, что Куайн стал жертвой чудовищного убийства. Теперь необходимо просчитать мотивы неслыханно жестокого, изощренного преступника.

Увлекательный детектив с неожиданными поворотами сюжета, «Шелкопряд» — второе произведение из цикла романов о Корморане Страйке и его решительной помощнице Робин Эллакотт.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ГЭЛБРЕЙТ
ШЕЛКОПРЯД

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Нины Шабуниной
Корректоры Светлана Федорова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.06.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 25,38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60 E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

У-МВБ-18380-12-R